

Ольга
Арунд

Замбит
ПО ВОСКРЕСЕНСКОМУ

Ольга Арунд

Гамбит по Воскресенскому

«Автор»

2023

Арунд О.

Гамбит по Воскресенскому / О. Арунд — «Автор», 2023

Поймать воровку? Легко. Выудить имя заказчика? Ещё легче. Вот только мышка Майя оказалась Майей Карницкой — дочкой местного миллиардера, что пару лет назад сбежала от папы. И она не горит желанием возвращаться в семью, а, значит, ей придётся заключить сделку и снова пошпионить. Уже для меня. Правда, для бывалой воровки мышка слишком боится. Того, что я не сдержу слово и сдам её отцу? Или... Цикл "Братья Воскресенские", книга 2

© Арунд О., 2023

© Автор, 2023

Ольга Арунд

Гамбит по Воскресенскому

Глава 1

Гамбит – комбинация ходов, во время которых жертвуют фигурой или пешкой ради получения скорейшей возможности перейти в атаку.

– Где она? – рявкаю на вытянувшуюся по струнке охрана.

– Так это... в туалет... пошла.

– В туалет? – Кретины. – Это вы у меня туалеты драить будете, как в армии, мать вашу!

Идиоты...

Рванувшись в сторону женского туалета, я резко открываю дверь и что вижу? Правильно, ни хрена не вижу. Хотя нет.

Из открытого окна тянет сквозняком и, выглянув наружу, я вижу как эта... вот что за отмороженная? У неё что, папочка – Тарзан?

Окинув взглядом пожарную лестницу в метре от себя, я стискиваю зубы.

Дать ей уйти? Вот так просто позволить мелкой девчонке себя переиграть?

Шум трёхполосной дороги подо мной давит на уши.

Четвёртый этаж. Давай, Воскресенский, решайся. Либо сейчас ты сигаешь из окна, либо раз и навсегда теряешь возможность узнать, что за крыса под тебя копает. Обтянутая кожаными штанами задница уже на шестом этаже. Из восьми.

– Чёрт.

Пиджак летит на широкий подоконник, галстук туда же.

Надеюсь, хоть кому-то из наших мадамов придёт в голову вернуть это всё в приёмную, меньше всего хочется потерять свой любимый костюм.

Расстегнув манжеты, я рывком задираю рукава до локтя и, матерясь, встаю на подоконник, чтобы наполовину высунуться из окна.

– Кот?

Повезло, жена брата и мой секретарь едва ли не самая адекватная женщина в этом здании.

– Крис, верни вещи в кабинет, я буду позже.

– Пожарных вызывать? – уточняет она со смешком.

– Лучше дурку.

Увы, до пожарной лестницы я не достаю буквально чуть-чуть. И, резко выдохнув, отталкиваюсь, чтобы, спустя охренительно страшное мгновение, уцепиться за выдавшую виды лестницу.

Спасибо, что не развалилась, вещу я явно больше вертлявой девчонки. Которая, кстати, уже почти вылезла на крышу. Сматерившись ещё раз, я ускоряюсь.

– Я передам Нику, что на ужин ты опоздаешь, – доносится вслед издевательское от Крис, но мне уже не до этого.

Не упустить бы.

Переставляю руки-ноги, чувствуя себя обезьяной на арене. Вываливаюсь на крышу с намёком на отдышку. И решаю, что Ник в кои-то веки был прав, изредка можно и побегать по полю. Но это потом.

Сейчас я аккуратно приближаюсь к той, кто последние две недели сливала все данные фирмы “Прометею”. А те, как последние идиоты, топорно перебивали мои контракты. Настолько по тупому, что даже кретины-охранники поняли бы, у нас завелась крыса.

И вот сегодня мышеловка захлопнулась. Днём обронив пару фраз в благодатную бухгалтерскую почву главных сплетников компании, спустя три часа я застал эту вот за взломом своего компьютера.

Но кто же думал, что охрана у нас такие имбецилы!

И теперь вместо того, чтобы звать ментов и разбираться, кто есть кто, я рискую здоровьем на продуваемой крыше и репутацией перед Крис. Которая в жизни не забудет этот мой прыжок с четвёртого этажа.

А мышь, которая всё это время притворялась уборщицей, как ни в чём не бывало отвечает на звонок.

– Это я. Да, получилось. На том же месте через три часа. Ок. – Она сбрасывает вызов, засовывает телефон в карман и тяжело вздыхает.

Что, нелегка жизнь воровки? Сейчас станет ещё хуже.

– Это вряд ли. – Подпрыгнув, она оборачивается и отскакивает от меня на шаг. Но куда там, вокруг нас крыша и ни одного дома поблизости для самоубийственных паркурных выходов. – Встретишься вряд ли.

Она нервно оглядывается по сторонам. Дёргается в одну сторону, в другую.

– Не старайся, шоу окончено. – Я полгода готовил почву для контракта с Китаем, а грёбаный “Прометей” перехватил его за сутки до подписания. – Сдавай явки-пароли, пока я не разозлился по-настоящему.

– Уже боюсь, – фыркает она и бросается в сторону выхода с крыши.

Сейчас же.

Перехватываю её на половине пути, отбрасываю в сторону компактный рюкзак, хватаю за руку, в которой зажата флешка.

Как будто в прошлое нырнул, без облачных хранилищ и прочего ноу-хау.

– Бойся, мышка, – цежу сквозь зубы. Встряхиваю так, что у неё клацают друг об друга зубы. – Из-за тебя я потерял сильно до хрена и хочу компенсировать потери.

– На органы продашь? – Вскидывается она.

От резкого движения кепка слетает с головы. А резкий порыв ветра окутывает нас облаком неожиданно длинных светлых волос. Дерзкий взгляд, вздёрнутый нос и искривлённые с досады губы.

– Я тебя знаю, – уже не зло, но мрачно вглядываясь в черты. И от того, как она вздрагивает, я только убеждаюсь, что прав. – Как тебя зовут?

Девчонка, которая оказывается реально девчонкой, лет двадцать от силы, зло прищуривается.

– Крыса Ивановна, – заявляет вызывающе, а в следующее мгновение меня складывает пополам.

Зар-раза.

Хватая ртом воздух, я переживаю приступ боли от удара в пах. И бешусь, что какая-то малявка так по тупому меня обошла. Выходит, что я кретин не лучше своих охранничков.

Выдыхаю. Выпрямляюсь, глядя, как она добегают до выхода с крыши.

Уйдёт, конечно, но в таком состоянии мне её точно не догнать. Да и хрен с ней, тем более что желание догонять испарилось как вид. Потом найду. Попрошу знакомых ментов составить фоторобот, благо память у меня фотографическая. Пробьют по базе, вряд ли такая птичка нигде не засветилась.

Зло щурюсь, матеря себя, как последнего идиота. И ещё больше злюсь, когда она дёргает на себя открытую дверь.

Вваливаясь прямо в руки трёх дюжих мужиков.

Глава 2

– Так и будем молчать? – Оторвавшись от вида за окном, я подхожу и присаживаясь на край стола рядом с ней. – Или сдадим хозяев и получим премию?

– Премию? – презрительно кривит она губы. – Для таких, как ты, кроме денег ничего не существует.

– А кто говорит про деньги?

Но в этот момент нас прерывают. Дверь открывается, и Аня обводит сгорбленную девчонку в кресле удивлённым взглядом.

– Крис уже ушла, – осторожно напоминает она, не отпуская ручки, – предложила идти с ней, но я решила дождаться тебя. Всё нормально?

– Вполне. – Поднявшись, я подхожу, целую её в висок. – Я задержусь, можешь ехать, встретимся там, – с улыбкой.

– Ты ещё долго? – И снова странный взгляд на недоворовку. – Может, стоит...

– Ань, – качая головой. – Езжай. Я приеду позже, Крис в курсе.

– А девушка?

– По работе.

Восьмимесячные отношения с Аней оказались на удивление приятными. Уютными, согревающими, без истерик, ссор и ревности. Идеальными, о чём не устаёт напоминать Крис, всячески защищая бывшую секретаршу Ника.

Бывшую, потому что спать с той, кто работает в соседнем кабинете так себе затея даже для меня. Поэтому Аня теперь кадровик – и ей нравится, и меня не напрягает слишком близкое соседство.

– Тогда жду тебя у Ника, – тепло улыбается она, касается моей щеки, целует в уголок губ и выходит за дверь.

В проёме которой, кстати, мелькают проштрафившиеся охранники. Караулят, надеясь, что за рвение я не срежу им оклады? Как будто первый год меня знают.

– Так что там с премией? – усмехнувшись, возвращаюсь к девчонке, разворачиваю соседний с ней стул и сажусь лицом к лицу.

– Плевала я на твои деньги, – ворчит она, скинув тяжёлые ботинки и подтягивая колени к груди.

– Никто про деньги и не говорит.

Перед ней на столе та самая флешка с моими последними переговорами. Не задержись она с передачей данных, в жизни бы не подумал, что меня сливает какая-то уборщица. Именно ей устроилась предприимчивая мадам, а мои идиоты не стали перепроверять данные в анкете. Как же, ведь на такую должность никто нормальный всё равно не придёт, смысл напрягаться.

Правда, напрячься им всё равно придётся, потому что уволю на хрен.

– Зовут как?

– Аня, – усмехается она, бросая на меня взгляд из-под ресниц.

– А на самом деле?

– Крис? – Она резко разворачивается, подаётся вперёд. Наклоняется так близко, что я чувствую дыхание у себя на лице. – Оля? Даша? Катя? Марина? Придумай сам, если так надо.

Меня даже Крис в самом начале их с Ником отношений так не бесила, как эта.

И, зло выдохнув, я резко хватаю её за затылок. Мышка не ожидает такой подставы и пытается отстраниться, но по инерции оказывается так близко, что касается губами моих губ.

Застываем оба.

Она от страха, что легко читается в широко раскрытых глазах. Я от внезапного нытья там, где всё должно быть тихо, спокойно и умиротворённо. Уж о чём, а об этом Аня печётся в первую очередь. И делает это успешно, но...

Дыхание сбивается. Сердце долбится в рёбра. А я охреневаю, потому что какого вообще лешего.

– Будешь Майя, – раздражаюсь и отпускаю так же резко, как схватил. Первое пришедшее в голову имя выходит каким-то детским, но не менять же теперь.

Прохожусь до компа, но за стол не сажусь. Проснувшаяся хотелка всё ещё со мной, но бесит так, как никогда до этого.

– Хрен с тобой, молчи. Пусть менты разбираются, кто ты, откуда и что делала в моей фирме.

Лучшее решение, но раздражение только усиливается.

Сжав руку в кулак, я разворачиваю его костяшками, глядя на царапины от ржавой лестницы. Напоминание о сегодняшней идиотской выходке. И это тоже бесит.

Какого хрена я, успешный бизнесмен и адекватный мужик сиганул в окно за глупой воровкой?

Адреналина не хватает? Так стоит просто приехать к Нику на тренировку. Тот мигом организует – поставит в ворота, а своих пацанов заставит отрабатывать на мне удары. И поржёт ещё, издеваясь над моей якобы никакой формой.

– Не надо, – голос вдруг раздаётся слишком близко. Развернувшись, я оказываюсь нос к носу с этой заразой. – Пожалуйста. Мне нельзя к ним, меня... я всё скажу.

Словно испугавшись собственных слов, она отступает, опустив голову.

– Обещайте не сдавать меня полиции, и я скажу всё, что хотите.

Совсем всё?

Мозг вдруг оккупируют какие-то совсем кретинские мысли, и ни одна из них не связана с воровством, “Прометеем” и ментами. А при взгляде на светлую макушку с отросшими корнями появляется другая картинка. С крышей, светлыми, разбросанными в беспорядке прядями и дерзкими глазами.

И что-то щёлкает в голове, на раз меняя задуманный сценарий.

– Обещаю, но простых рассказов мне мало.

Девчонка вскидывается, встречается со мной взглядом, беспокойно закусывает губу.

И именно это мгновение выбирает охрана, чтобы проявить инициативу.

– Константин Александрович, у вас всё нормально?

– Скрылись, – рявкаю, не отпуская её взгляд.

Занятие оказывается... затягивающим. Настолько, что очень хочется шагнуть, прижать её к стене, поймать вздох и...

– Чего вы хотите?

Мрачный тон мало сходится с творящимся в мыслях беспределом. Отвернувшись от греха, я вспоминаю, что меня ждут. На ужин и вообще, а я здесь. Теряю время, мозги и остатки совести.

– Я хочу, чтобы ты помогла мне прижать сволочь, которая тебя заказала.

Несмотря на возраст, девчонка оказывается умной. Не ахает, не возмущается и даже дурацких вопросов не задаёт.

– И план есть? – Она обхватывает себя за плечи.

– Куда нам без плана, – усмехаюсь, глядя на город. Хотя на самом деле смотрю на её отражение. – И начинается он с имени. Так как тебя зовут?

– Майя. – Я резко оборачиваюсь, встречаясь с угрюмым взглядом. – Меня зовут Майя.

– Какие люди и без охраны, – насмешничает Крис, стоит двери распахнуться во всю ширину. – А я думала, мы тебя не дождёмся.

– Не дождётесь, – хмыкаю весело и скидываю пиджак.

– Прошу любить и жаловать, – громко оглашает Крис, возвращаясь в гостиную, – Его Величество Константин Александрович пожаловали.

– Не беси, а то выгоню, – иронично поднимаю бровь и подставляю руку, куда сразу прилетает дай пять. – Привет, мужик. Ты скоро меня перерастёшь.

– Легко, – обещает Данька и пролетает мимо куда-то в сторону детской. – Мам, я щас.

– Даня! – И это всё, на что хватает Крис.

Раньше бы дёрнулась, догнала и схватила сына, сейчас не позволяет положение. В которое, кстати, она вогнала не только себя, но и всех вокруг, включая меня.

– Иду, – кричит он из глубины квартиры и пропадает.

Я бы на его месте тоже пропал, но мне возраст не позволяет. Да и семья есть семья.

– И ты тоже меня скоро перерастёшь, – недовольно качаю я головой, глядя на округлившийся живот своего секретаря. За что и получаю пинок брата, стоит сесть за стол.

– Кто мешал отпустить мою жену в декрет? – прищуривается он.

– Она и помешала. Я предлагал выгнать её сразу после положительного теста на беременность.

– Ко-остя, – Аня со смехом ставит подбородок мне на плечо.

– И где я был неправ? – Подняв бровь, мы с Ником меряемся взглядами. Но он, как обычно, проигрывает – спешит на помощь ойкнувшей Крис, а спустя мгновение посередине стола появляется пышущее жаром блюдо. – Сейчас уже не выгонишь, чуть что ей сразу плохо. Да, Крис? – повышаю я голос, чтобы было слышно и по ту сторону кухонного острова.

– Да ты без меня ни одну свою бумажонку не найдёшь, – самоуверенно фыркает она и присоединяется к нам. – Даня! Ну где ты?

– Отстань от ребёнка, – хмыкаю, разливая всем сок, раз уж наши посиделки уже восемь месяцев как приняли безалкогольный характер. – У него есть занятия поинтереснее, чем сидеть и слушать нас.

– А ты-то откуда знаешь?

– Оттуда. – Я ставлю графин на место. – У меня тоже есть занятия поинтереснее.

– Костя. – смеётся Аня.

– Кот! – возмущается Ник.

– Ах, ты, – начинает приподниматься Крис с вилкой в руке.

– Всё-всё, молчу. – Примирительно поднимаю руки смеясь. – А то завтра в кофе вместо сахара мне положат мышьяк. Страшное это дело, когда все, с кем работаешь, оказываются вами.

– И положу, – прищуривается Крис. – Чтобы бедной Анечке не терпеть твою персону всю оставшуюся жизнь.

А сама ахает и прижимает ладонь ко рту. Глаза виновато распахиваются, перебегаю с меня на мою пока девушку, но уже всё, поздно пить Боржоми.

– Как всегда, да, Крис, – фыркаю я и поворачиваюсь к Ане. – У меня к тебе предложение, от которого невозможно отказаться.

– Ко мне? – теряется она.

– Хочешь стать богатой вдовой, когда она, – кивок на Крис, – отравит меня мышьяком?

Из Ника вырывается что-то явно нецензурное, но шёпотом. А не всем, как им с Крис, во время предложения заливать приторный воздушный шар приторным же шампанским и счастливыми слезами.

– Мышьяк? – Аня растерянно смотрит на расстроенную Крис. – Я не понимаю. – Иногда я жалею, что Ник всё-таки женился и именно на ней.

Ок, сделаем проще.

– Ань, – коснувшись щеки, я возвращаю фокус на себя, – выйдешь за меня?

Глава 3

– Ну, ты, конечно, – присоединившись ко мне на балконе, Ник качает головой.

– Что. – Я с усмешкой рассматриваю город под нами.

– Умелец делать предложения. – Он облокачивается на окно рядом. – Даже цветов девушке не подарил.

– С каких пор цветы – признак любви? – хмыкнув, я поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с братом.

Слышна сирена Скорой. Недалеко медгородок, так что здесь это нередкое явление. Но я всё равно отвлекаюсь на звук. Он всегда ассоциировался у меня с тревогой.

– А ты любишь Аню? – поднятая бровь и вызов во взгляде.

Никита. Ник. Такой большой, а всё верит в сказки. Видимо, потому, что свою он создал из ничего. По сути, на пепелище чужой семьи, хоть это и было лучшим выходом для них обоих.

– Я люблю маму, отца. – Даже не собираюсь отводить взгляд. – Вас, идиотов. Совсем немного Крис. – Брат шутливо тычет в плечо. – За вас я готов убить и умереть. Наверное, – с коротким смешком. – А с Аней мне просто хорошо.

– Тебе со всеми хорошо, – неодобрительно качает головой Ник. – В чём разница?

– Старость пришла? – поднимаю я бровь.

– Она ведь любит тебя, – не поддаётся он на провокацию.

– Я в курсе.

Я глубоко вдыхая, разворачиваюсь спиной к городу и опираюсь о раму, глядя в комнату, где за столом шушукаются Крис и Аня. Последняя смущённо улыбается, на скулах красные пятна. Спорю на годовые дивиденды, что Крис подбивает её на лимузины, шары и голубей. Но вот Аня поднимает голову, встречается со мной взглядом. Подвисает, широко раскрыв голубые глаза.

Красивая, понимающая и любящая Аня. Идеальный вариант жены.

А перед глазами почему-то обтянутая чёрной кожей задница и дерзкий тёмный взгляд.

– А Аня в курсе на что подписывается? – мрачный тон заставляет искоса взглянуть на Ника.

– О чём речь?

– О тебе, – кивает он на меня, – и твоих... развлечениях.

– Я не собираюсь изменять, – выпрямляясь и разворачиваясь к нему. – Ни Ане, ни любой другой, кого хотел бы видеть в роли жены.

За почти полсотни лет брака отец ни разу не изменил маме. Между ними были ссоры, непонимание, сложности, но такого неуважения друг к другу не было никогда.

– Знаешь, Кот, – качает головой Ник, – временами меня от тебя тошнит.

– Знаю, – хмыкнув. – И знаю, что не всем везёт так, как тебе. – Кивок на Крис. – Встретиться, долбить себе мозг восемь лет, а потом организовать хеппи-энд... в моей жизни такого везения никогда не было. И не будет. А Аня устраивает меня во всех смыслах.

– И мне её уже жалко, – хмурится Ник.

Жалко у пчёлки, а у нас всё чинно и благородно.

– Скажи лучше, чем тебе аукнется разрыв контракта с китайцами?

– Можно хоть сейчас не о работе, – закатывает глаза брат.

– Так, ты и на работе не хочешь о работе, – со смешком. – Чем, Ник.

– Выкручусь, – отмахивается он. – Железа, конечно, нахапали по самое не хочу, рассчитывали-то на другие объёмы, а вышло... да и плевать. Скинем цену от розничной, пойдёт вроде как по акции. По факту выиграем процентов тридцать точно. А чем разрыв контракта аукнется нам? – переадресует вопрос Ник.

– Уверен, что хочешь это знать? – хмыкаю и добавляю без перехода. – Полтора лярда. Или около того.

Вместо ответа офигевший протяжный свист.

– В перспективе? – после паузы интересуется Ник.

– В том числе.

Тема так себе. Откровенно хреновая тема, потому что бомбит до сих пор. И простить уродов вот так просто? Бегу и падаю.

– И что ты будешь делать?

Усмехаюсь.

И так всегда. Не «мы», хотя компания поделена поровну на троих, а «ты». И это давно уже не задевает, но в такие вот времена чувствуешь себя не братом, а отцом двух недомладенцев.

– Разбираться.

Между нами пауза, во время которой он внимательно меня изучает.

– Кот, может хрен на них? Что мы, не заработаем ещё... – но с каждым словом Ник всё больше сдувается под моим взглядом. Примирительно поднимает руки. – Ок, делай как знаешь. Я поддержу в любом случае.

– Знаю. – С мимолётной улыбкой. И вспомнив вдруг про отдышку. – Скажи лучше, когда там у тебя следующая тренировка – я приду.

И вот здесь Ник охреневает даже больше, чем от суммы убытков.

– И уволь уже свою жену, пока она у меня прямо в приёмной не родила!

Со смешком я хлопаю Ника по плечу и возвращаюсь к девушке, которую решил назвать своей женой.

– Как успехи? – Стоит открыть дверь и двое из ночной смены вытягиваются в струнку. – Сидит?

– Сидит, Константин Александрович.

– Открывали? – Я наклоняюсь, вглядываясь в один из мониторов.

– Нет, как вы и приказали.

Приказал. А перед этим заказал девчонке... Майе пиццу и поставил литр воды. На пару часов должно было хватить, но я не думал, что задержусь настолько.

Пока поужинали, пока бесполезно почесали языками, пока я отвёз Аню домой, пока отказался от настойчивого приглашения на кофе. Вместо двух часов прошли все пять. И вот почти полночь, а я снова в офисе из-за одной недоворочки.

Хотя почему недо. Кадры нарыли, что Солнцева Майя Никитична устроилась к нам почти два месяца назад. Сколько она вынесла за это время – большой и больной вопрос. И хреновый, потому что откровенный слив информации я заметил недели две с половиной назад. И спрашивается вопрос, что она делала до этого.

И как этим планируют распорядиться «Прометей».

– Ключи. – На вытянутую ладонь падает тяжёлая связка. – Камеру в серверной отключить. Следите за камерой в коридоре. Если вдруг девчонка выйдет одна, ловите и сдавайте ментам.

– Как скажете, Константин Александрович, – переглядываются они, но молчат.

Хотя у меня после таких инструкций вопросы бы возникли. Даже если бы мне платили, как им.

Выйдя из комнаты охраны, я подбрасываю ключи на руке, слышу перезвон и быстрым шагом направляюсь к серверной.

Как удачно задержалась доставка новых серверов. То самое везение, о котором говорил Ник, не иначе. Только ему везёт в любви, а мне как обычно.

– Жива? – Открыв дверь, с порога насмешливо интересуюсь я.

– Лучше бы нет, – ершится Майя, хотя мне казалось, что с её хамством мы закончили.

Большое, квадратов в пятьдесят помещение девственно пусто. Ни окон, ни дверей, кроме той, через которую я зашёл. Из коммуникаций только вентиляция, которую невозможно испортить в принципе.

– Лучше умереть, чем посидеть пару часов в тёплом и сухом месте? – хмыкаю, подходя ближе.

Дверь за собой я закрыл, ключи в кармане брюк. Без меня ей отсюда не выйти.

– Пару часов?!

Она подсакивает и с силой бьёт кулаком мне в грудь. Но где я и где тот кулак размером с грецкий орех.

– Да я сижу здесь уже... уже... – она оглядывается в поисках помощи, но кроме нас здесь пусто. – До фиги уже сижу. А ты? Р-р!

Метнувшись к двери, она дёргает ручку.

– Пусти!

– Торопишься от меня избавиться? – С улыбкой рассматривая совсем растрепавшиеся длинные волосы. Слегка кудрявые, как в рекламах лаков для волос.

– В туалет тороплюсь, – рычит Майя, глядя на меня злыми глазами.

Конечно, как нет-то.

– Без проблем, – хмыкнув, я достаю из кармана наручники и протягиваю ей. И так большие, глаза шокировано распахиваются.

– Ты совсем больной? – Отступая, она упирается спиной в дверь.

– Я предусмотрительный. – Прокручиваю наручники на пальце, поднимая взгляд на неё. – Так что, ты ещё куда-то торопишься?

– И как я по-твоему пойду в них... – Она кивает на позвякивающие браслеты. – Туда?

– Насколько я помню анатомию, проблем не возникнет, – насмешливо.

Майя хмурится, ищет варианты, но их нет. Со мной точно нет и, усмехнувшись, я подхожу вплотную к ней. Девчонка закидывает голову, глядя мне в глаза.

И я снова не в себе. Вижу, как прижимаю к двери своим телом. Как удерживаю её руки над головой. Как вклиниваюсь коленом между её ног и чувственно веду носом от острого подбородка по щеке, до виска.

– Мы идём? – Зависнуть на секунду после вопроса это ведь не преступление?

Надо было сегодня остаться у Ани. Но вот так бросать девчонку практически в подвале? Нет уж, она мне ещё нужна.

А, значит, заинтересовать, исполнить план и переспать. Ладно, с переспать погорячился, у меня ведь Аня. Невеста. И если я её обижу, Крис точно подсыпет мышьяк.

– Идём, – мрачно отзывается Майя и протягивает руки, на которых я застёгиваю наручники.

И уже без опаски открываю дверь.

Лестница, коридор, ещё лестница и мы на первом этаже. Вот и дверь с дамой по курсу. Открыв её перед Майей, я захожу следом. И натыкаюсь на возмущённый взгляд.

– А ты куда собрался?

– Мышка, мне надоело тебя ловить, – с усмешкой. А глаза-то у неё синие, но очень тёмные. Почти чёрные. – Хочешь в туалет – иди.

Я показательно открываю дверь кабинки и, яростно пыхтя, она проходит внутрь. Закрываю, прислоняюсь спиной к двери, но больше ничего не происходит.

Проходит десять секунд, двадцать.

– Я так не могу, – слышу жалобное. – Выйди.

– Нет.

– Издеваешься? – Её злость чувствуется даже через дверь, но заставляет лишь улыбаться.

– Нет.

И правда нет. Не хватало ещё самоутвердиться за счёт мелкой напуганной девчонки. Хотя не настолько и мелкой, раз весь её вид вызывает во мне слишком знакомые реакции.

Ещё одна пятисекундная пауза.

– Ну, Костя. – От собственного имени в её исполнении поднимается бровь. – Пожалуйста. Я, правда, не могу так.

С другой стороны, куда она денется.

– Хорошо. Только быстро, – раздражённо выдыхаю я, иду к выходу, хлопаю дверью.

И бесшумно возвращаюсь, вставая так, чтобы меня скрыла открытая дверь кабинки.

Внутри туалета тишина, снаружи тоже. Слышно лишь тихое позвякивание наручников.

Я успеваю досчитать до восемнадцати, когда дверь открывается. Через щель между дверью и стеной мне видно, как мышка Майя прислушивается к происходящему за входной дверью. Кивает сама себе, а после дёргается в сторону окна, – что они ей покоя-то не дают – а оказывается в моих руках.

– Бу, – с нескрываемым удовольствием выдыхаю ей в лицо. И крепко держу руки за спиной дрыгающейся мышки.

– Ты! – зло шипит она и почти выворачивает тонкое запястье из захвата, но в последнее мгновение я перехватываю её руки удобнее. – Отпусти. Гад.

– Мышка Майя сделала все свои дела?

От её близости снова коротит.

– Не все! – вскидывается она, встречается со мной взглядом.

И вздрагивает.

Зрачки вдруг расширяются, дыхание срывается. И смотрит на меня мышка уже совсем по-другому. Испуганно, почти затравленно. Её тело деревенеет, язык облизывает вмиг пересохшие губы.

Это что за смесь ужаса и желания?

И хочется воспользоваться обоими, но во-первых, секс в туалете – это что-то из времён студенческой юности. Слава богу, прошедших и давно забытых. А во-вторых, мышка Майя нужна мне для занятий куда более интересных.

– Занятный у тебя опыт, – хмыкаю я, имея в виду снятые наручники. И игнорируя собственные реакции и тяжесть в паху. – Полезный.

Взгляд проходит по светлой макушке, глазам, приоткрытым губам. По беззащитной шее и выпирающим ключицам. Задевает что-то глубоко внутри.

Но мне не до бесполезной лирики.

– Идём. – Отпускаю её руки и легко отталкиваю от себя. – Расскажу, что мне от тебя нужно.

Глава 4

И снова кабинет.

Хмыкнув при виде доисторической флешки, я засовываю её в разъём. Жду загрузки, открываю файлы. И бегло просматриваю собственную переписку, планы рекламных кампаний и отчёты по последним сделкам.

– Что именно тебе заказали? – поднимаю снова мрачный взгляд.

Потому что бесит. Стоит вспомнить, что меня обкрадывали столько времени, и тянет кого-нибудь убить. И ладно бы просто деньги воровали, но нет же. Умные сволочи тырили информацию, которая была дороже денег.

– А поспать мне сегодня дадут? – хмурая мышка Майя сидит в ближайшем к моему столу кресле, подтянув под себя ноги, и периодически сдувает прядь волос, которая падает на лицо.

– Дадут, но попозже. – Хотя глагол «спать» в моём воображении предстаёт совсем в другой форме. – Итак?

– Всё. – Она пытается натянуть рукава на пальцы.

Вот только не получится.

Объятия, что случайно и нет, происходили между нами всё это время, предоставили достаточно пищи для ума. Для моего уж точно. Потому что чёрные штаны на мышке хоть и принадлежали дешёвой марке, но коллекцию эту давно сдали в утиль. Да и потёртости на швах точно не входили в дизайн.

А чёрная кофта с длинным рукавом той же марки хорошо так скаталась от частых стирок. Добавим к этому затёртый кожаный рюкзак, не убиваемые берцы и куртку, что тоже нашлась и была обыскана лично мной. Ничего противозаконного в простенькой косухе из безымянного магазина одежды не нашлось, зато аккуратно зашитая дырка была тут как тут.

И всё это вызывало резонанс ещё больший, чем моё к ней незапланированное желание.

– Конкретнее. – Я удаляю файлы с флешки, форматирую её, достаю из компьютера и встречаюсь с Майей взглядом.

– Всё, что получится достать, – отвечает она очень неохотно. – Любую информацию, вплоть до расписания уборки в туалетах.

Хмыкнув, под её протестующий вопль я ломаю флешку пополам, но не выбрасываю в мусор. Собираю все части на стикер, сминаю и убираю в карман пиджака, собираясь сжечь. Или выкинуть в реку, что тоже вариант.

– Ты должен мне флешку, – бурчит Майя.

– А ты мне полтора миллиарда. Так и быть, я вычту из них стоимость этого антиквариата. А теперь, мышка Майя, главный вопрос.

Подойти, нависнуть над девчонкой, которая изо всех сил пытается быть дерзкой, но всё равно съёживается. Податься ещё ближе.

– Кто заказчик?

И мышка смелеет – упрямо поджимает губы, пальцами добела стискивает подлокотники кресла. Такая принципиальная?

– Кто. Заказчик.

Одной рукой прижимаю её запястье к креслу сильнее, чем надо и она морщится. Костяшками второй веду по нежной коже щеки, чтобы положить ладонь на шею над ключицами и легко сжать.

– Не вынуждай меня, мышка, – тихо и не отводя взгляда. – Моё дело – это моя жизнь.

– Неудивительно, раз ничего другого нет, – смело вскидывает она голову. – Хотя у тебя же Аня.

Рука на шее сжимается чуть сильнее.

– Не о том думаешь, Майя Андреевна.

И вот здесь она пугается по-настоящему.

Что, мышка, думала, я обойдусь одним твоим именем? Плохо меня знаешь. Пока плохо, но и это мне скоро предстоит исправить.

– Ты... ты... – Ей не хватает воздуха, короткие и частые вздохи предваряют настоящую панику.

Криво усмехнувшись, я убираю руки, присаживаюсь на стол и просто смотрю. На то, как уже она хватается за собственное горло. Как испуганно расширяются зрачки, как бледнеет загорелая даже сейчас, в середине весны, кожа.

– Я, мышка, не работаю с тем, о ком ничего не знаю. – И вроде ничего особенного в ней нет, но внутри вдруг подаёт голос несвойственная мне жалость. – А твоё лицо слишком часто мелькало на первых полосах и в полицейских сводках. Года два назад?

– Полтора, – после недолгой паузы она, наконец, берёт себя в руки. Смотрит исподлобья. Похоже, до мышки доходит, что раз она всё ещё здесь, а не в лапах дюжих мОлодцев, сдавать её просто из вредности я не собираюсь. – И что дальше? Будешь шантажировать отца?

– Андрея Михайловича? – Хмыкнув, я опираюсь ладонями о столешницу. – Мне ни за каким чёртом не сдался местный олигарх. Мне даже неинтересно, почему ты сбежала от любимого папы... во сколько? В девятнадцать?

– В восемнадцать, – мрачно отзывается она, обхватывая себя руками.

– Пусть в восемнадцать, – с интересом склонив голову. – Гораздо больше него мне нужна ты.

И Майя правильно трактует мой меркантильный интерес, ещё больше насупившись.

– Видишь ли, это не просто бизнес, это моя страсть. И трогать, а, тем более, забирать своё я не позволю. Вот только одна мышка оказалась слишком исполнительницей. Информацию передала, деньги наверняка получила и выбесила меня не столько фактом промышленного шпионажа, сколько наглостью.

Для лучшего эффекта посверлив её недовольным взглядом, я возвращаюсь за стол.

– Я не хочу к отцу и... – Майя встряхивает волосами и они закрывают половину лица. Резким движением откидывает густую гриву, встречается со мной взглядом. – Чего ты хочешь? За молчание.

С ироничной ухмылкой откидываюсь на спинку кресла.

Вот за что, а за это мне ещё не платили ни деньгами, ни услугами. А мышка Майя готова. Причём на многое готова, не зря закусила губу, не зря смотрит так отчаянно и решительно одновременно. Даже интересно становится, что такого мог сделать золотой папочка, чтобы дочка выпорхнула из клетки, да ещё с таким шумом. Потому что те давние поиски имели все-российский масштаб. И тем удивительнее, что её не поймали, это личико не меньше полугода мелькало просто везде, от досок с уличными объявлениями до рекламы по тв. Въелось на подкорку каждого жителя города, встречая в магазинах, метро и на баннерах.

И ведь не нашли её даже с таким размахом, так что мышка выбрала подходящую для себя профессию. За столько времени не попасться настойчивому родителю это надо уметь.

– Так что? – гораздо более нервно повторяет Майя.

Сидит, дёргается. Пальцы сцеплены в замок, губа прикушена.

Снова притворяется или на этот раз действительно психует?

Можно и выяснить, доводя мышку до истерики. Например, поинтересоваться, что она в принципе может предложить. А потом доказать, что все её услуги полная чушь. И загнать в угол, а вот дальше имелись варианты.

Либо она согласится на всё, что я попрошу, сразу, либо найдёт выход вроде сегодняшнего с пожарной лестницей. И тогда снова придётся побегать.

Вспомнив собственные упражнения, я с досадой морщусь.

На часах третий час ночи. И откровенно лень заморачиваться с доведением её до невроза. Потому что завтра в одиннадцать встреча с представителем китайцев, последняя, чтобы перетянуть проект на себя. Да и помимо этого дел по горло, так что мышке фантастически везёт на доброго и уставшего меня.

– Уговорила, – вздыхаю я и встаю. – Завтра поездишь со мной, а послезавтра начнёшь отрабатывать моё молчание.

– Это каким же образом? – хмурится она, с опаской глядя, как я иду к двери.

– Устрою тебя в «Прометей» и ты принесёшь мне компромат на Звягинцева. – Делаю вид, что не заметил, как её коротнуло от фамилии. Уже пересекались? – Должность курьера устроит или по старинке уборщицей?

– Всё равно. – Мышка Майя отвлекается от своих проблем и смотрит сначала на меня, открывшего дверь, потом, собственно, на дверь, а следом обводит взглядом кабинет в целом. – А это зачем?

– А это затем, что спать в офисе я не собираюсь, – иронично подняв бровь. – И оставлять тебя здесь одну на этих недоохранников тоже. Так что переночуешь со мной, а завтра разберёмся.

Но она продолжает стоять босиком рядом с моим столом. Только выше вздёргивает нос и поджимает губы.

– Я никуда не поеду. – И ведь реально не поедет, видно по всей упрямой позе. – Лучше снова запри в серверной.

– Не беси меня, мышка. – Хмурюсь, потому что время идёт, а мы всё на том же месте. – Серверная не темница для юных барышень. Давай шевели ногами и поехали.

Но вместо этого Майя отступает, а во взгляде снова то затравленное выражение. Трясёт головой, делает ещё шаг назад.

А у меня начинают закрадываться подозрения, почему совсем молоденькая ещё девчонка могла сбежать из отчего дома. И вот так реагировать на абсолютно невинное и полностью адекватное предложение. Осталось выяснить, что за чудак такой в своё время протянул руки к явно протестующей мышке. И помочь ему протянуть ноги.

Нервно дёргается уголок губ, и я отгоняю идиотские мысли. Устало потираю переносицу.

Вот это точно не моё дело. Даже если папаша не уследил и дочке не повезло с поклонником. Я там вообще никаким боком, и всё, что от меня требуется – заслать мышку в «Прометей» к Звягинцеву и... стоп.

– Ты знаешь Марата? – Она моргает раз, другой. – Звягинцева, – уточняю мрачно. И не жду ответа, потому что по разом побледневшей мышке и так всё становится ясно.

Всегда знал, что он мудака, но чтобы настолько.

С силой сжав челюсти, я ищу варианты. И мой один хрен самый лучший.

– Ладно, – выдохнув, решаю, что в этом случае шоковая терапия сэкономит мне нервы и время.

Резким шагом, чтобы не передумать, подхожу к ней, по пути прихватывая её рюкзак, куртку и берцы. Впихиваю всё это добро мышке в руки и, пока она ловит тяжёлые ботинки, подхватываю на руки под испуганный выдох. И иду, пока Майя не вспомнила, что вещи можно бросить и занять руки чем-то более полезным. Моей шеей, например.

И не то чтобы всерьёз беспокоил урон от хилой девчонки, просто до чёртиков не хочется снова терять время. Ругаться с ней, уговаривать. А домой как раз хочется. И в душ. И спать.

Но девчонка ведёт себя на удивление мирно. Сказал бы, что боится лишний раз шелокнуться, но она же вся такая бесстрашная.

Лифт, первый этаж, охреневшие глаза охранников.

С трудом открыв дверь машины с Майей на руках, я сажу мышку на переднее пассажирское. Пустил бы и на заднее, если бы был уверен, что обойдётся без её фокусов, после которых мы влетим в ближайший столб.

– Страшно было? – хмыкаю насмешливо, но веселье пропадает как вид, стоит наткнуться на стеклянный взгляд и прижатые к груди руки, в которых всё ещё её вещи. – Мышка... э-эй. – Я машу рукой перед её глазами и едва успеваю отдёргнуть пальцы от громко щёлкнувших зубов.

– Никогда. Так. Больше. Не. Делай, – цедит она сквозь зубы и в два удара сердца обувает свою монстрообувь.

Но вместо того, чтобы связать и бросить заразу, которая оказалась кусачей, в багажник, я хмурюсь.

– Сильно... поломал?

Вопроса «Кто» она не задаёт. Молча натягивает на себя куртку, щёлкает ремнём и как послушная девочка кладёт рюкзак на колени.

И ответ ясен, вот только он ничего не меняет. И я также молча завожу мотор и трогаюсь с места.

Зная, что всё равно отправлю её к тому, кто, похоже, сломал ей жизнь.

Глава 5

Бросив машину у подъезда, я жду, пока Майя закончит озираться. Странно, что её удивляет обычный, по сути, жилищный комплекс. Да, застройщик обозвал его премиумным, но сказались это разве что на стоимости жилья и коммуналки. В остальном тот же паркинг, те же керамика и прочий шик, та же ругань с управляющей.

Разве что мини-парк внутри комплекса и правда красивый.

Но мышка парк не комментирует, бесстрастно заходя в подъезд.

– Добрый вечер, Константин Александрович, – улыбается консьерж, но мне и раньше было не до него.

Коридор, лифт и холл на три квартиры.

– Пентхаус, – презрительно заявляет мышка. – Кто бы сомневался.

– Кто бы говорил, – отзываюсь в тон и распахиваю дверь во всю ширину. – Прошу. Или для дочки хозяина заводов, газет и пароходов это слишком мелко?

Зачем к ней лезу? Потому что завожусь и ни разу не в постельном смысле. Майя вызывает слишком много противоречивых реакций, чтобы это не бесило. Мне её то убить хочется, то пожалеть. В то время как думать надо вообще о другом.

Загорается мягкая подсветка, слышно, как срабатывает механизм электроштор. Умный дом приветствует хозяина.

– Гардероб налево, ванная прямо. Кухню найдёшь сама, если надо. Можешь располагаться в гостевой спальне, вещи сейчас дам.

Если и есть место комфортнее офиса, то оно здесь. В квартире, где всё подстроено под мой график, предпочтения и ритм жизни.

– Свет включается на сенсорных панелях, они натканы по всем стенам, так что тоже найдёшь.

– Какой ты гостеприимный, – презрительно.

Если я объясняю, проходя в гостиную, то мышка так и стоит у входной двери.

Скинув пиджак в кресло, я расстёгиваю манжеты, закатываю рукава и встаю так, чтобы встретиться с ней взглядом.

– Не надейся, сбежать не получится, – с довольным прищуром. – Без моего отпечатка входная дверь не откроется, пожарных лестниц здесь нет, а полетать с двадцать пятого этажа ты вряд ли захочешь. Я прав?

– Ненавижу, – цедит она сквозь зубы.

А после остервенело сдирает с себя куртку и с силой бросает её на тумбу. Сдувает прядь со лба. Резко дёргает за шнурки, ослабляя свою монстрообувь, и болтает ногой так, чтобы те, слетая, врезались в мебель и стену.

Детский сад. Мне даже за свои взрослые реакции почти стыдно.

– Располагайся, – хмыкаю, глядя на дефиле по коридору с демонстративно задранном носом и презрительным взглядом. – Моя спальня слева, твоя справа, не перепутай.

И, подхватив пиджак, я со спокойной душой ухожу к себе.

Дерево, металл и никаких дерзких мышек в пределах спальни. Красота. Из-за тёмных стен, тёмной мебели и чисто мужского дизайна Ник всегда считал мою квартиру слишком мрачной и угрюмой. А для меня после целого дня веселья в офисе убойная доза мрачности как раз то что надо.

Убрав пиджак в шкаф, я проверяю почту на ноутбуке, чтобы убедиться, что ничего катастрофического не случилось, и захопываю крышку. Поймав себя на мысли, что убрать бы его в сейф. А то ходит здесь одна, считая себя самой умной и бесстрашной.

Вспомнив мышкину реакцию на имя Звягинцева, я сжимаю челюсти.

Как есть мурак, что в делах, что в личном. Даже если он просто зажал её в тёмном углу, то эффект превзошёл все ожидания. И полечиться бы девчонке, да пожаловаться отцу, но нет, куда там. Самостоятельные так не делают. Самостоятельные сначала уносят ноги, а потом всю жизнь мучатся.

Устало потерев переносицу, – на часах уже начало третьего – я собираюсь в душ.

Чёрт, вещи.

Не дойдя до двери ванной каких-то полшага, меняю направление. А после долго рассматриваю содержимое собственного шкафа.

Дать ей рубашку, которых у меня миллион? Так и вижу этот взгляд в ответ. По её мнению, уничижающий, но для моего эго такой мелочи явно не хватит. Да и что она будет делать с этой рубашкой? Выйдет с утра к завтраку? Ага, попутно сравнивая меня с уродом Звягинцевым.

Вздыхнув, беру два чистых полотенца, две футболки и, – взгляд окидывает невеликий выбор – шорты. Года два назад мама решила, что это отличный подарок на Новый год. И как бы вопросов нет, шорты она купила какие-то супернавороченные и даже не безумной расцветки. Но где я и где шорты.

Смутно вспомнив, что в гостевой ванной вроде как валялась невскрытая зубная щётка, торможу себя на этой вредной мысли.

Мышка Майя здесь на одну ночь, так что вряд ли пострадает, не почистив одного раза зубы. С другой стороны, мама научила гостеприимству всех своих сыновей. Даже меня, к большому сожалению.

Поэтому, скривившись, я добавляю к вещам ещё и плед, на всякий случай. И несу всё это ей. И сталкиваюсь с мышкой прямо в дверях её одноразовой спальни.

– Так долго искала нужную комнату?

Первый захожу внутрь и оставляю вещи на краю кровати. Оглядываюсь, смутно припоминая, что дизайнер рекомендовала сделать гостевую спальню в нейтральных тонах. А потом подрагивающим голосом объясняла, что гости бывают разными и лучший вариант – что-то бежевое в стиле унисекс.

Вообще, гости у меня появились впервые с покупки квартиры. И спальня эта – побочный результат моего отказа от собственного кабинета.

Спасибо, такого добра мне хватало и на работе.

– Так долго удивлялась безвкусию, – хамит мышка.

– Я передам дизайнеру, ей безмерно важна твоя оценка, – хмыкаю в ответ.

И, считая роль хозяина исполненной даже с лихвой, ухожу, наконец, к себе.

Душ успокаивает.

Не так чтобы очень, но прохладные струи, бьющие по спине, снимают раздражение от слишком долгого даже для меня рабочего дня. Мысли лениво ворочаются в черепной коробке, перескакивая с Ани, которой я должен был позвонить, когда приеду домой, на Звягинцева, исполнившего неизвестно что.

Хотя этот постоянно исполняет.

Потому что Марат Звягинцев – грёбанный сын мэра, знакомство с которым началось с драки. С другой стороны, сломанный нос и дракой-то толком не назвать.

Ведь не останови я тогда Ника, одним носом Звягинцев-младший бы не отделался. А всё потому, что этот кретин пришёл к нам, только-только переехавшим из комнаты в родительском доме в свой первый маленький офис. И предложил деньги, неадекватно большие, за взлетевший вдруг стартап.

Мечта у урода была, хотел приобщиться к компьютерному бизнесу. Как будто из игромана можно по щелчку стать бизнесменом.

Вот только хотел он фирму вместе с Есей. Нашим младшеньким, по совместительству компьютерным гением, с увлечений которого всё и началось.

Мы оказались сильно против, но Звягинцев решил, что деньги и папа решают всё. Наехал, конечно. Пригрозил развалом, налоговой и всякой хренью, к которой прибегают папенькины сынки, когда сами ничего не могут. Еся, как самый ранимый из нас сразу впал в коматоз, растерянно хлопая ресницами. Мы с Ником впали в бешенство.

Но если я всегда мог унизить урода словом, то Ник предпочитал более радикальные методы.

И началось.

Позорно пропущенный удар в нос Звягинцев, естественно, не простил и не забыл, так что одной налоговой не обошлось. Нас давили пожарные, прессовали какие-то отбитые коллекторы, у которых мы якобы занимали. Даже санэпидемстанция сунулась было, но так как сами инспекторы сильно охреневали от происходящего и от того, что им делать в двухкомнатном офисе компьютерной фирмы, с ними дело разрулилось практически мгновенно.

Вот только мэр не санэпидемстанция.

Подозреваю, Олег Иванович даже вникать не стал, кто там обидел любимого и единственного сына. Он просто сказал фас.

И стало по-настоящему сложно. Каждый день вылезали новые проблемы – терялись партии железа, сливались заказчики, ломались софты, а сторонние программисты, которые вчера могли помочь, сегодня о нас даже слышать не хотели.

А вдвоём с Ником мы физически не вывозили всё и сразу. Еська же мрачнел, забивался в свою раковину и отказывался делать хоть что-то. Он же мирный и безобидный, наш младшенький. И он первый заговорил о том, чтобы бросить всё и продать бизнес Звягинцеву, чтобы тот подавился.

С теми же аргументами, что Ник несколькими часами раньше. Что мы, денег, что ли, не заработаем.

Но было бы дело в деньгах, и вопросов бы не было.

Я выключаю воду и, отфыркиваясь, иду за полотенцем. Растираю шею, плечи. Бросаю полотенце на пол и встаю на него, опираясь руками о края раковины. Поднимаю взгляд.

Тот раз был единственным, когда мы не разговаривали с собственным отцом. Полгода не разговаривали, потому что дураком он не был. Ежевечерне наблюдая наше с Ником молчаливое бешенство и депрессию младшенького, отец быстро разузнал, что к чему. И, недолго думая, сам позвонил Олегу Ивановичу, благо знал полгорода.

А с мэром ещё и приятельствовал, когда-то там в далёкие девяностые они сошлись на любви к футболу.

И рассказал наш родитель всё как было. Не заместителю, не автоответчику, а прямо мэру в уши. И поверил мэр не собственному идиоту-сыночку, которого знал как облупленного, а нашему отцу. Зная, что тот на своём горбу вытаскивал местную футбольную команду из такой задницы, что никому и не снилась. Договаривался о матчах, искал спонсоров и вроде бы работал за зарплату, на самом же деле едва ли вспоминал, что за это ему ещё и платят.

И вся эта жесть с фирмой закончилась вся и разом. Как-то вдруг, хотя буквально за день до этого мы с Ником всерьёз задумались о Еськиных словах. Конечно, не о продаже бизнеса этому уроду, а о том, чтобы найти кого-то нормального и готового пойти на конфликт с сыночком мэра, раз уж у нас не вышло.

А парой дней позже отец отвесил подзатыльники всем троим, доходчиво объяснив, для чего нужна семья. Правда, дошло до нас всё равно не сразу.

Молча и гордо встав, мы втроём покинули отчий дом и не появлялись в нём не меньше полугода, лишь изредка связываясь с мамой.

Идиоты не хуже Звягинцева, но что уж теперь.

И с тех давних времён этот, который всё ещё сын мэра и напроць отмороженный, продолжает нас подставлять. Пытаться подставлять, потому что мозгов у Звягинцева-младшего откровенно так себе. И, если бы не покровительство властей и отцовское управление, потонул бы героический «Прометей», так и не заняв приличного места на рынке.

А теперь ещё и мышка.

Со вздохом покачав головой, я натягиваю пижамные штаны и возвращаюсь в спальню.

На часах почти четыре.

Сон закономерно сдувает, и я с ноутбуком в рукав заваливаюсь на кровать. Мышцы расслабляются впервые за бесконечно долгий день, а вот мозгу ещё рано. И, открыв поисковик, я вбиваю имя Звягинцева-младшего.

Сайт «Прометей», фотки с влиятельным папой, какая-то постановочная фигня из соцсетей. А ещё девчонки, алкоголь, дорогие тачки и вот это всё. Мда. Зато мордой Звягинцев вышел, и это единственное его достоинство. Такой себе около голливудский актёр. Не в боевиках, конечно, сниматься, но в женских мелодрамах с прилизанными героями самое то.

Пролистав первые пару страниц поисковика, я не нахожу ничего нового.

Кроме, грёбаный ты случай, туманных намёков на заключение дорогостоящего договора с китайцами. Моего договора.

Прикрыв на мгновение глаза, крышкой ноутбука не хлопаю только титаническим усилием воли.

Сволочь.

Ещё и мышку выгнал из дома, где её наверняка холили, лелеяли и исполняли любой каприз. Потому что, как бы ей ни мерещилось, вряд ли Карницкий при взгляде на вздёрнутый нос, большие глаза и милое личико дочери вёл себя по-другому. Каким бы прожжённым бизнесменом ни был.

Тогда почему сбежала?

Не моё дело вообще ни разу, но в поисковик вводится уже другое имя.

Карницкая Майя Андреевна.

Сводки, что нарыл знакомый следак, мне мало. И интересно, с чего мышка испугалась настолько, что решила, будто папа примет сторону мудака Звягинцева, а не её.

На большой экран вылезает фотография с какого-то официального мероприятия. Потому что Майя там лёгкая, воздушная, в светлом открытом платье и очень хорошенькая. Молодая ещё, лет шестнадцать, но счастливая. Стоит под руку с отцом, улыбается на камеру и в целом довольна жизнью.

В отличие от той ехидны, что обитает сейчас в нескольких метрах дальше по коридору.

И вот был бы Карницкий жёстким отцом, не сквозило бы столько трепета в том, как он обнимал её за талию. И мышка выглядела бы по-другому. А, значит, согласованными приставаниями не были. И напугал Звягинцев её так, что пойти к отцу она даже не подумала.

А теперь я, взрослый умный мужик, посылаю её обратно. Фактически в руки того, от кого она столько времени бежала.

Блеск. Всегда знал, что я ненамного хуже мэрского сынка.

Поджав губы, закрываю все вкладки.

Что я там говорил? Не моё дело?

Надо повторять почаще, чтобы вбилося на подкорку, а пока...

И, забыв про сон, я открываю файл с присланным ещё днём отчётом от Ника.

Глава 6. Майя

– Стась, засада. – Отойдя в самый дальний от двери угол, я утыкаюсь лбом в стену.

Глаза слипаются, но это не впервой. А вот ловят меня действительно впервые. И пауза в трубке только подтверждает общий градус её офигевания.

– Неужто поймали? – Она говорит в полный голос, в отличие от меня, шепчущей на грани слышимости.

Камер в долбанной гостевой спальне, к счастью, нет, да и вряд ли этот бизнесменишка напичкал комнату прослушкой, но подстраховаться никогда не помешает. Особенно, в моём случае.

– Я в шоке, – Стась, как обычно, понимает всё без слов. – Вали быстрее, пока он не сдал тебя ментам.

– Не могу.

Отчаяние, ужас, ступор – я забыла, что это, когда познакомилась со Стасей. Девчонка, о которой я за полтора года так и не выяснила ничего, кроме имени, стала мне сестрой.

Именно она вытащила меня из-под какого-то моста, просто услышав всхлипы. Промокшую, продрогшую, с затравленным взглядом и опухшим от слёз лицом.

– В смысле не можешь? – Несмотря на степень засады, я улыбаюсь. Так и вижу, как она иронично подняла смоляную, словно татуажную бровь. – Разучилась взламывать замки?

– Нет здесь замков, Стась, – на выдохе. – Одни идиотские сенсоры.

– Говорила я тебе, учись ломать, так нет... – ворчит она, но уже стучит по клавишам. – Чеси к своим сенсорам. Сломаешь корпус, найдёшь...

– Стась, – видимо, что-то такое звучит в моём голосе, что она замолкает. – Стась, у него дверь на отпечатке, мне не выйти.

Не выйти. И с двадцать пятого этажа не прыгнуть. И как бы ни хотелось это признавать, но он предусмотрел действительно всё.

– Ты не в офисе, – мгновенно рубит фишку Стася. Молчит несколько долгих мгновений. – Он что, притащил тебя домой?

И ответить вдруг становится страшно, несмотря на всю бравладу.

– Да.

– Гад. Решил воспользоваться случаем? – яростно шипит она. – Так, я сейчас сама им попользуюсь. – И стук ногтей по клавишам становится ещё отчётливее. – Ты ещё в порядке? Давай-ка запишись пока в ванной и не открывай, а я обеспечу ему сейчас весёлую жизнь...

– В порядке, но... стой! Стой, Стась! Он... он меня узнал.

С той стороны трубки воцаряется мёртвая тишина.

Потому что тогда, когда я была наивной девчонкой, скрыться помогла именно она. Стася без фамилии, отчества, зато с потрясающим талантом к программированию.

– Сдаст?

– Нет. – В честность Воскресенского я верила. Глупо, конечно, но в людях я никогда не ошибалась. Никогда после того раза.

– С чего бы это?

– Не сдаст, если я помогу ему. Если также устроюсь в... к конкурентам, нарою на них компромат и смоюсь по-тихому.

– Боже, когда ты перестанешь верить людям, Май. Ну, не с твоей биографией на такое надеяться. Или ты всерьёз считаешь, что он не воспользуется случаем выслужиться? – Стася вздыхает. – Конечно, Воскресенского нельзя назвать бедным, но сравнения с твоим папочкой он не выдерживает.

– Я и не верю. – Вру. – Поэтому сбегу завтра. Там как раз намечаются какие-то поездки, так что шанс будет и явно не один.

– А если он запрет тебе с этим своим отпечатком? Давай, не дури, я сейчас сама всё улажу.

– Нет! – Злость на то, что меня считает ни на что не годной даже она, возвращается, как всегда некстати. Зато добавляет нужной уверенности и холода в голос. – Я справлюсь.

На этот раз тишина не только мёртвая, но и явно неодобрительная. Словно я снова дома, где все мои капризы, конечно, выполняются, но исключительно по вескому слову отца. Словно сама я не человек, а так, красивая куколка в коробке с золотистым бантом.

– Хорошо, – наконец, раздражённо выдыхает Стася. – Справляйся. Но если вдруг что...

– Я наберу, – радуюсь я, бросаю трубку и выключаю телефон, убирая его в рюкзак, подальше от посторонних глаз.

Если уж сноб до сих пор о нём не вспомнил, есть шанс, что не вспомнит и дальше. Для этого и нужно-то быть чуть-чуть осторожной. А уж что, но этому я научилась в совершенстве.

Окинув спальню взглядом, я ставлю рюкзак на тумбу у кровати. Демонстративно, чтобы у Воскресенского даже мысли не возникло, будто я могу там что-то прятать. Ещё раз оглядываюсь.

И с досадой прикусываю губу изнутри.

Два больших и пушистых полотенца на краю кровати манят и никак не отпустят взгляд. Требуют вспомнить, какого это – помыться не в древней, советской и обшарпанной чугунной ванне, а в полноценном душе. С горячей водой вместо едва тёплой. А всё потому, что в доме, где у Стаси квартира, отключение горячей воды для коммунальщиков служило чем-то вроде хобби. Но если кто-то из жителей давно плюнул и поставил себе водонагреватель, то мы таким излишеством похвастаться не могли.

И я не выдержала. Смотрела, как пальцы стыдливо ползут к мягкой даже на вид ткани. Гладят нежнейшие ворсинки, зарываются в них и...

Да гори оно всё!

Оглянувшись, словно кто-то за мной следит, я всё же решаюсь. Нацепляю на лицо независимую мину, беру принесённые вещи и гордо вступаю в тёмный коридор. Гордо, но тихо, практически на носочках, чтобы этот сноб не видел моего падения перед комфортом и красотой.

Но, похоже, ему не до меня. В приоткрытую дверь второй спальни виден уголок раскрытого ноута и свет от горящего экрана. Длинные вытянутые ноги в штанах тоже видны, и я мышью проскальзываю в гостиную. Выдыхая, только когда запираю за собой дверь ванной.

Шикарной со всех сторон ванной. Огромная чёрная плитка с разводами, чёрная сантехника и никаких душевых кабин. Впечатляет.

Широко раскрыв глаза, я осматриваю всё это великолепие.

Несмотря на отцовский доход, в его доме ванная мало чем отличалась от обычной. Всё было стандартное, не особо впечатляющее и, откровенно говоря, невзрачное. В отличие от ванной Воскресенского, просто удивительно, насколько подходящей хозяину.

Хмыкнув, я кладу вещи на полку, наверняка из натурального дерева. Какой-нибудь дуб или орех, не меньше. Сноб же.

Да и восхищаться стоило не им, а нанятым дизайнером, что сотворил такое чудо.

Но расслабляться рано. Внимательно осмотрев все углы и не найдя даже следов видеонаблюдения, я быстро раздеваюсь до белья. Тоже чёрного, но напичканного на фоне окружающего интерьера. И вхожу в зону душа, судя по сливу на полу и лейке над головой.

Вот только ни одной кнопки перед собой не вижу. Вообще, нигде не вижу, осматривая ближайшие стены и даже пол. Сенсоров тоже нет, одна тёмная керамика.

Такая же беспросветная, как моё желание помыться.

Ощупав едва выступающий из стены кран и душ на стойке, я задираю голову вверх. И отражаюсь в зеркальных квадратах с дырками, явно предназначенных для воды. Вот только как уже её включить?

Со злости топаю ногой. Ойкаю, хватаясь за отбитую пятку. И, естественно, мгновенно теряю равновесие.

И уже гораздо больше душа хочу просто выжить, избежав удара головой о весь этот дизайн.

Потому и цепляюсь за стойку душа, надеясь, что мой вес она выдержит. Меня резко разворачивает. Второй ладонью упираюсь в стену, чтобы не приложиться об неё же лицом.

И охаю, когда со всех сторон в меня выстреливает ледяная вода.

Да чтоб тебя! Долбанный душ, долбанная плитка, долбанный Воскресенский!

Пока я ищу в чём проблема, зубы начинают мерно клацать друг об друга, кожа покрывается мурашками, а по телу то и дело пробегает судорога. Мышцы пытаются согреться, но куда им, если сверху и сбоку меня продолжает поливать капец какой холодной водой.

Она у него что, через морозилку перед этим проходит?

Но вот под той самой рукой, что упирается в стену, находится неразличимая на фоне стены панель управления. Вот только вода всё ещё заливает нос, глаза и всю меня, так что сбавляю напор и меняю температуру я фактически вслепую. И не хочу уже никакого душа.

– Чёртов Воскресенский!

Выбраться из водяной ловушки не получается и приходится полностью выключить воду.

Бельё вымокло напроочь, волосы противно липнут к спине и лицу, но я всё же продвигаюсь в сторону полотенец. Очень осторожно и медленно, хотя плитка под ногами скользить как бы не должна. Как бы. Здесь и управление должно быть интуитивно понятным, но оказалось тоже как бы.

Обходя самую большую из натёкших, но ещё не успевших стечь, луж, я опираюсь об очередную полку, и в этот момент раздаётся невыносимый, выносящий мозг и лишаящий слуха, писк.

Вздрагиваю, оглядываюсь. Пытаюсь понять, что ещё не так, но поздно.

Дверь открывается, ударяясь о стену. Являя полуголового, заспанного, но дико злого сноба.

Глава 7

– Ты!

Стоило ожидать, что с появлением в моём доме этой заразы, покой закончится как вид. Но меньше всего я ожидал, что разбудит меня дикий вой датчика протечек.

Едва не изрыгая пламени, я в два касания отменяю тревогу. Поднимаю взгляд. И делаю шаг вперёд.

– Мыш-ш-шка, – со злым шипением.

Убил бы.

– Надо ваннские нормальные делать, – храбрится она, вздёргивая подбородок. – С кнопками.

– Какие, нах... – вовремя проглотив ругательство, – на хрен кнопки?

– Белые. Чтобы хоть видно было на твоих готских стенах.

Притормаживаю на мгновение.

Готских? Это она так гранит по стоимости всей её сейчас оскорбила?

Медленно выдыхаю. Вдыхаю, чувствуя, как рёбра разрывает бешенством. Зар-раза вороватая. Мало того что провозился с ней весь день, притащил к себе домой, потом охренел от подъёма сигнализацией, а эта ещё и выпендривается?

Плюнув на всё, наступаю на мышку. Медленно и неотвратно. Не отводя взгляда от глаз, что с каждым шагом назад становятся всё более испуганными.

А не надо меня злить, я и так никогда не добрею.

– Кто шпионить будет, если ты меня сейчас приберёшь? – Ещё одна попытка сбавить обороты, но куда там. Она оборачивается, и в голосе появляется первая дрожащая нотка. – И оттирать стены.

– Клининг, – рычу я и упираюсь в стены по обе стороны от её головы.

И мышкены глаза широко распахиваются, осознав, что отступать больше некуда. Но это полбеды. Гораздо хуже, что накрывает меня.

Приоткрытыми и дрожащими губами. Стоящими в тёмных глазах слезами. Длинными светлыми прядями, прилипшими к щекам, подбородку, плечам и груди. И чёрным спортивным бельём, которое я замечаю только сейчас.

Выдыхаю. Вижу, как она дёргается, когда моё дыхание касается гладкой и совсем светлой кожи. Даже не думаю сдерживать хриплый смешок.

А мышка Майя на грани. Обморока точно, потому что становится похожей цветом на белоснежные полотенца, что я ей выдал. Резко зажмуривается, отворачивает голову. Сжимает

руки в кулаки. И дышит – гораздо тяжелее меня, чаще. Того и гляди, дойдёт до гипервентиляции, и что мне тогда с ней делать?

Везти в больницу и гадать, доложат папочке или нет?

И пусть меня не отпускает, но мозг включается достаточно для того, чтобы проверить мышьи границы. И поискать ответы на свои вопросы.

Смотри Майя на меня, может, и не было бы беспредела, а так... хмыкнув, я невесомо прикасаюсь к тонкой талии. Слышу судорожный вздох. Веду пальцами выше, по красивому изгибу. Поднимаюсь по рёбрам, которые при большом желании можно сосчитать прямо так.

Откормить бы мышку, а то потребляемые калории, похоже, даже близко не стоят с израсходованными. Хмурюсь от дурацкой мысли.

И задеваю резинку белья, отчего вздрагиваем оба. Я оттого, что переоценил силы, в мыслях уже давно пробуя мышку на вкус. Она наверняка от страха, но даже «нет» не звучит, не говоря об активном противодействии.

На мгновение улетаю в собственные фантазии, где мышка с удовольствием стонет моё имя. Тряхнув головой, возвращаюсь в реальность.

И резко разворачиваю её к себе спиной.

Тело в моих руках деревенеет, но я даже к себе её не прижимаю. Не хватало только обвинений в домогательствах, потому что мой интерес никакими штанами уже не скроешь.

– Сенсор здесь. – Я указываю пальцем в незаметный на общем фоне небольшой полупрозрачный круг. – Видишь?

Но мышка молчит, хотя я едва касаюсь грудью её спины. И то исключительно на вдохе. Её мелко трясёт, и, откровенно говоря, здесь есть моя вина. Но меня тоже потрясывает, хоть и по абсолютно противоположному поводу.

– Майя, – повышаю голос.

– В-вижу.

– Нужно ткнуть в центр, и панель проявится полностью.

Прикрываю на мгновение глаза. Просто чтобы хоть как-то абстрагироваться от округлостей, которым лучше бы и дальше оставалась в кожаных штанах. Для нас обоих лучше.

– Ты поняла?

– Д-да.

Хочется верить, что заикание – это временно.

С трудом сдержавшись, чтобы не качнуться к ней, вдыхая какой-то сборный цветочный аромат, отхожу на шаг. Вру, на полшага, но и это уже подвиг.

– Радует. Мойся. – Из-за коротких рубленых предложений чувствую себя полным дебилом. – Без фокусов.

Вместо ответа кивок. Хотя уверен, что мышка в моём доме не то, что мыться, даже просто в ванную больше не зайдёт.

– Супер, – бурчу сам себе под нос, разворачиваюсь.

И оказываюсь под мощнейшей ледяной струёй.

– Да твою же мать! Майя! – рявкаю, насколько возможно громко, и сразу отплёвываюсь от затёкшей в рот воды.

– Это не я, – тонкий писк и мышка, прижавшаяся спиной к ближайшей стене.

Гадство.

Рванув к панели, впервые проклиная размеры собственной ванной, и в два касания выключаю воду.

– В следующий раз, – рычу, – будь добра, выключай воду, а не ставь таймер!

– Да откуда я знала! – всхлипывает мышка, походку, тоже перебрав эмоций за сегодняшний день. – Это твоя дурацкая ванна! И компания твоя дурацкая! И отпечатки твои! И ты сам!

Её прорывает не хуже, чем душ несколько мгновений назад. А я тупо не знаю, как утешают молоденьких барышень в истерике. Была бы мышка постарше и с другими исходными данными, разобрались бы по-взрослому, а так...

Раздражённо зачесав мокрые волосы назад, беру с полки полотенце. Под тихий, но от этого ещё более отчаянный плач. Матерюсь где-то глубоко в душе. И дёргаю Майю за руку, заворачивая в кусок ткани, что скрывает её от шеи до колен.

Обнимаю, крепко прижимая к себе всхлипывающее и трясущееся нечто.

Вот реально нечто. Такой жести в моей жизни ещё не было ни до, ни после. А мысль, что стоило всё же сдать воровку ментам, плюнув на месть Звягинцеву, заполняет всё невыспавшееся сознание.

Да и с чего бы ему выспаться, если вырубил меня едва ли час назад.

Мышка, блин.

Глубоко вздохнув, отступаю на шаг, чтобы опереться о перегородку между душевой частью и всей остальной ванной. Удобно устраиваю всё ещё всхлипывающий свёрток из полотенца между своих ног и расслабляю сведённые от напряжения мышцы.

На массаж, что ли, сходить? Надо спросить у Ника, он точно знает, к кому обратиться. Знает-то, знает, только как ему объяснить, с чего меня вдруг потянуло на здоровый образ жизни?

Весело хмыкаю, представив, что сказал бы брат, увидев меня в одних штанах, мокрого, взвинченного и невинного обнимающего некоторых особо самостоятельных.

Радует одно – всхлипы становятся всё реже, а трести мышку перестало совсем. Уж что, а это я чувствую даже через полотенце. Много другое тоже чувствую, но особенно – острый локоть, впившийся мне в мышцу предплечья. Боже, фастфуда ей, что ли, заказать? За один раз не откормится, но, может, хоть округлится в каких-нибудь местах.

В конце концов, ворах теперь что, мало платят?

– Мышка, ты там не уснула? – насмешливо хмыкнув. – Имей в виду, на руках я твоё тщедушное тельце в спальню не понесу. Оставлю спать здесь, на тёплом полу не простудишься.

– Больно надо, – бурчит она, выбираясь из полотенца так, чтобы видно было одну голову. – Пусти.

Майя крепко сжимает пальцами края полотенца прямо под подбородком.

Я уже говорил про детский сад?

– А точно надо? – Подняв бровь, в противовес логике и собственным мыслям, прижимаю её ещё сильнее, заставляя упасть себе на грудь. И сделать-то Майя ничего не может, руки заняты. – Ты не мышка, ты трындец вселенского масштаба.

Она возмущённо вскидывается.

– Да, да, – киваю с уверенностью. – Обокрала, обхамила, попыталась сбежать, почти укусила, а теперь затопила и местами простудила. Совесть есть?

У меня точно нет, потому что, освободив руку, – с комплекцией мышки для объятия хватало и одной – осторожно касаюсь её щеки, убирая прилипшую прядь волос. Дыхание задерживаем оба. Вот, только плюнув на осторожность и адекватность, закончив, я перехожу на другую щёку.

– Что ты делаешь? – голос дрожит, а на самой мышке появляются яркие алые пятна на скулах и шее.

Стесняемся?

– Хочу. – Встретиться с ней взглядом, снова подвиснуть.

– Чего? – тише и широко раскрывая глаза.

Чего?

В конкретный момент оторваться от глубокого, тёмного взгляда, что затягивает не хуже мониторинга конкурентов. И анализа собственных ресурсов. И поиска офигенных контрактов. И...

Торможу в каком-то сантиметре от её лица. Рвано сглатываю.

Это что за писец такой пришёл внезапно и беспощадно?

А писец смотрит на меня умоляющим, но одновременно доверчивым взглядом. И это сносит крышу почище скачка акций.

Под этим взглядом послушно вскипает кровь, напрягаются мышцы, сердце переходит на какой-то запредельный ритм. Я под этим взглядом приподнимаю её лицо за подбородок. Нежно, аккуратно касаюсь нижней губы.

Перестаю на хрен дышать, глядя, как приоткрывается на выдохе рот. Как мышка закрывает глаза. Как расслабляется в моих руках.

И если всё это игра, чтобы сбежать, то я конченный кретин.

Но об этом подумаю позже.

А пока прижимаю её так близко, что мышка должна бы испугаться моей активности ниже пояса. Но она не пугается. Не открывая глаз, упирается маленькими ладошками мне в грудь.

Под шорох падающего к нашим ногам полотенца.

И сейчас даже грёбаная вода меня не остановит.

Дуряя от происходящего, я обхватываю тонкую талию уже без помех вроде всяких дурацких полотенец. Удерживаю её за затылок. Полной грудью вдыхаю то ли шампунь, то ли парфюм. Нахожу мышкины губы и...

Мелодичный, но очень громкий звонок вклинивается между нами лучше всякого душа.

Очнувшись, мышка вздрагивает, обводит меня растерянным взглядом. Пугается, естественно, – чтоб за дверью все сдохли в муках. Затравленно оглядывается, подхватывает полотенце и сбегает со скоростью света.

Слышится хлопок её двери, и всё стихает.

До следующего настойчивого звонка, к которому добавляются пинки ногой по моей, мать вашу, итальянской двери.

Остервенело потеряв лицо, встаю с перегородки и иду.

Убивать.

Глава 8

Мог бы, открыл бы дверь пинком, но, увы, такое механизмом не предусмотрено.

– Константин Александрович Воскресенский, 1984 года рождения? – Вперёд гостя я вижу удостоверение с печатью, которым мне тычут прямо в нос.

– Он самый, – мрачно усмехаюсь я, скрещивая руки на груди и прислонясь к косяку.

– К нам поступил вызов. Анонимный, – хмурится, если верить удостоверению, капитан, словно это может меня смутить. – Сказали, что у вас здесь разбой, дебош и... – он замолкает на мгновение, встречается со мной взглядом, но всё же заканчивает: – Эм... похищение с целью соращения.

Мышка, зар-раза.

Готов спорить, её рук дело. Только когда успела-то? Или...

Я зло прищуриваюсь, капитан откашливается, хотя, вообще, не по его душу. А вот некоторым особо скрытным придётся объясняться. С другой стороны, про телефон я знал? Знал. А то что забыл, так это исключительно мои проблемы. Как и шестой час утра.

– Константин Александрович, мы вынуждены проверить...

– Сто первая? – рывкает выходящий из лифта... пожарный.

Полный атас.

– Сто первая. – На творящийся цирк я смотрю с интересом психиатра, что наблюдает за подотчётными дебилами. – А вы по какому поводу?

Пожарный мрачно оглядывает капитана, меня.

– Поступил звонок, что на балконе застрял ребёнок.

Просто охренеть у меня ночь сегодня.

– Из детей в этой квартире только я, – всё так же опираясь плечом о косяк. – Желаете проверить? Или думаете, у меня хобби вышвыривать младенцев на балкон?

И сразу видно, что мужик в шлеме, защитном костюме и с дыхательной маской на поясе гораздо опытнее молодого капитана. Он выдыхает парочку нецензурных предложений, поднимает рацию.

– Отбой, мужики. Опять подростки дебилы. – Ему отвечают что-то такое же нецензурное. Пожарный хмыкает, поднимает глаза на меня. – Ложный вызов. Всего хорошего.

А после заходит в лифт, который всё это время так и стоял на моём этаже. Ещё бы, блин. На хрен кому он нужен в такой час.

Мы с капитаном молча провожаем его взглядами.

– У вас ещё есть вопросы? – Поднимаю я бровь. – Или я могу быть свободен?

– Только один, – вздохнув, капитан убирает блокнот, что до этого держал в руке. – Кто вас так не любит. Доброй ночи... утра.

И, зачем-то отдав честь, разворачивается в сторону лестницы. Заходит за лифт. Я слышу, как он начинает спускаться, а потом какую-то возню.

Кто-то ещё по мою душу?

Так и выходит, когда, спустя пару минут из-за лифта выходят ярко-красные, с испариной и отдышкой двое. В белых халатах и с чемоданчиком.

– Вызывали... – упреков руки в колени, сгибается старший мужик. – На insult.

И просто интересно, а чего мышка хотела добиться вот этими вот явлениями?

– Не вызывал. – А вот у мужиков, похоже, insult уже близко. – Кофе хотите?

Офигев от предложения, оба распрямляются, встречаясь со мной взглядом.

А мне уже даже весело. Они серьёзно поднимались на двадцать пятый этаж пешком? Вот это я понимаю преданность делу.

– Сдохнуть хочу. Идиоты, блин, – зло отзывается младший. – Точно никого? – с надеждой в голосе.

– Только я.

Оторвавшись от косяка, развожу руками, предлагая найти в полуголом и полумокром мужике следы хоть какой-то болезни.

Мимоходом отмечаю, что матерятся врачи гораздо искуснее и интереснее пожарных. Я бы даже записал, но вместо этого хмыкаю, когда они разворачиваются, чтобы вызвать лифт.

– Мужики. – Оба поворачиваются на зов. – Вы не в курсе, а газовики на анонимный вызов приезжают?

– А что? – хмурится младший.

– Да так, интересно стало.

Оставив доблестных работников Скорой у лифта, я закрываю, наконец, дверь. И, да, иду на поиски мышки.

Долго искать не приходится.

Мышка Майя находится в районе холодильника с огромным бутербродом в руках. Наткнувшись на мой взгляд, она так и замирает с вонзёнными в еду зубами и с круглыми глазами.

Мда, недооценил я девичью психику. Был уверен, что после ванной мышка побоится даже нос высунуть из комнаты, а эта как ни в чём не бывало, сделала себе гору бутербродов, один из которых сейчас и поглощала.

– Что? – с трудом проглотив огромный кусок, морщится она. – Ты сам сказал, кухню найдёшь, если надо. Вот я и нашла.

Нашла. А ещё надела-таки мою футболку и шорты. Первая ей до середины бедра, последние чуть ниже колена. И смотрится это...

Слов нет, эмоции сплошь нецензурные. И всё та же дилемма, то ли убить её, то ли пожалеть.

– Неси телефон, – я облокачиваюсь о кухонный остров.

– Какой телефон? – неуверенно врёт она. И срывается с места, когда вместо уговоров, я молча иду в её спальню.

Не её, гостевую.

Пытаясь меня обогнать, мышка делает рывок. Перехватываю, прижимаю к стене, легонько встряхиваю, чтобы не нагнела в моём же доме.

– Я не идиот, мышка, – цежу тихо, но грозно. – То, что ты устроила – детский сад. Думала, сможешь сбежать, пока меня будут прессовать со всех сторон? Чёрта с два. Так что давай телефон, пока я достаточно добрый, чтобы не ввести карательные меры.

– Да нет у меня никакого телефона! – брыкается она.

Раздражённо покачав головой, отпускаю её и захожу в гостевую спальню. Оглядываюсь. И прямой наводкой иду к рюкзаку, что словно специально выставлен напоказ.

– Нет! – Мышка виснет на моей руке, стряхиваю её на кровать. – Идиот. – Да, раз не вспомнил о сотовом сразу. – Ты не понимаешь!

– Чего? – Держа рюкзак на весу, максимально удалённым от прыгающей по кровати мышки, с усмешкой поднимаю бровь. – Объясни, раз я такой недогадливый.

– Это... он мне нужен! – Удар кулаком по груди.

Одеться бы нормально, но всё не до того. С другой стороны, штаны на мне почти уже высохли.

– Даже не сомневаюсь, мышка. Готов спорить, что гадостей в твоей светлой головке ещё не один миллион. Так что давай-ка сама и без глупостей.

Убедившись, что насуспенная Майя уgomонилась, возвращаю ей рюкзак. В который она вцепляется, как утопающий в борт лодки.

– Я жду.

Но она всё так же прижимает рюкзак к груди, раздражённо глядя на меня из-под ресниц.

И видно, что ищет выход из положения. Вот только, кроме моего, выходов у неё нет.

– Либо ты отдаёшь телефон, либо я возьму его сам, – констатирую факт. – И вот тогда, мышка, возможны варианты. Сомневаюсь, что в твоём рюкзаке не осталось ещё чего-нибудь интересного вроде недавней флешки. А я любопытный и одним сотовым не ограничусь. – Встречаюсь с хмурым взглядом. – Так что? Будешь проверять границы моего терпения?

Резкий вжик молнией, злой выдох. И телефон, который я ловлю в нескольких сантиметрах от своего лба.

– Умница, девочка, – с довольной улыбкой, что бесит её ещё больше. А не фиг, потому что меня, например, ночь без сна бесит. – А теперь собирайся, у нас тьма дел.

Глава 9

Для начала я всё же переодеваюсь. Брюки, рубашка, галстук, пиджак. Ничего необычного.

Попутно вспоминаю про собственный телефон, который лежит рядом с сотовым мышки. На экране один пропущенный от Ани и одно сообщение от неё же.

«Надеюсь, у тебя всё хорошо. Скучаю. Спокойной ночи»

И хотя ни одного смайла в нём нет, от приторности и правильности вдруг ноют зубы. Ответив что-то вроде приехал-отрубился, я перехожу к мышкиному телефону. Старый, чуть ли не кнопочный, он запоролен, и я задумчиво кручу его в руках.

Взломать? А ради чего?

Кто она, я знаю и так.

Чего хочет? Судя по подростковому максимализму, стать независимой, сильной и вот это вот всё. Получается правда так себе, но здесь уж в силу способностей.

Узнать, как она навывывала Скорую, пожарных и полицию? Да в общем-то, всё равно.

Хмыкнув, я убираю её телефон в сейф, свой в карман и иду к выходу. Мышке хоть и не нужны костюмы для курьерской должности, но кожаные штаны – это всё же перебор.

– И куда мы? – хмуро интересуется она, стоя в прихожей.

– В офис.

– Я думала, охрана пошутила, когда сказала, что ты здесь с полседьмого утра, – фыркает Крис, заходя в кабинет. – Привет, – мимоходом кивает мышке и ставит передо мной традиционную чашку эспresso. – Мало того что ты сам тут торчишь, так ещё и компанию с собой тащишь. Прогрессируешь, Кот, – неодобрительно качает она головой. – Может, заказать сюда раскладушку? Смысл домой-то ездить.

– Высказалась? – не отрывая взгляда от монитора.

– Нет, но ты всё равно не слушаешь. – Поднять глаза всё-таки приходится, но Крис уже отворачивается, придерживая огромный живот.

Гигантский, как по мне. И угрожающий всему нашему офису непредсказуемым потоком.

– Я Крис. – Мышка недоверчиво вскидывается, сильнее подтягивая под себя ноги, хмурится. – А ты?

– Я... – её взгляд на мгновение пересекается с моим. – Майя.

– И что такого ты сделала, Майя, что Кот тебя так наказывает?

– Крис, – предупреждение от меня, чтобы не наглела.

– Я... Константин Александрович помогает мне устроиться на работу, – выдаёт вдруг мой персональный триндец. Слабо улыбается.

– Константин Александрович, значит? – Крис поворачивается, окидывает меня подозрительным взглядом. Опасно прищуривается.

И поздно объяснять, что это не то, о чём она могла подумать. Подумать и всё-таки подсыпать мне мышьяк в кофе.

Осознав, окидываю чашку нечитаемым взглядом.

– Чай, кофе? – Пока я прикидываю тысячу и ещё один вариант собственной смерти от её рук, Крис возвращается к мышке. Вдыхает. Добавляет, понизив голос: – Печеньку?

И не знаю, что там у неё на лице, но мышка вдруг расплывается в искренней и лучезарной улыбке. Спускает ноги на пол, подаваясь ближе к Крис. Смущается.

– А можно?

– Пф! – демонстративно фыркает Крис. – Нужно. Это некоторые особоодарённые требуют без сахара, соли, глютенa и...

– Крис!

Увольнять, срочно, пока эта женщина не устроила в офисе окончательный хаос. Оглянуться не успеешь, а вместо приёмной у меня будет игровая с колясками, бутылочками и тьмой погремушек.

Скривившись от представленной картины, пропускаю часть разговора.

– Идём, попьём чай нормально. А то под взглядом Кота можно и подавиться. – Крис тянет мышку за руку, и та послушно встаёт, загипнотизированная напором.

– Все чаи здесь, – жёстко осаждаю жену брата. – Или нигде, Крис.

Вместо ответа она поворачивается, упирает руки в едва различимую талию. И всем своим видом требует объяснений.

– Здесь.

Не знаю, что она там видит на моём лице, но предчувствую вечерний звонок Ника. С очередными нотациями и уговорами потерпеть. Притом что он обещал мне выцепить Крис из офиса ещё два месяца назад, когда речь только зашла о декретном отпуске.

– Ладно, – слишком послушно соглашается она, разворачивается и выходит.

А я залпом выпиваю последнюю спокойную чашку кофе в этом офисе.

Но вернуться к работе уже не суждено.

– А кто она? – мышка с неподдельным интересом косится на дверь, пока я сочиняю письмо своему человеку в «Прометее». – Твоя сестра?

Боже упаси.

– Жена брата. – Кофе не помогает, и я устало потираю переносицу.

– Она боевая, – мимолётно улыбается Майя, но, когда переводит взгляд на меня, на лице уже привычное упрямство.

– Даже слишком, – покачав головой, я сталкиваюсь взглядом с мышкой и просто смотрю.

Отмечая и бледный вид, и хмурую складку на лбу, и круги под глазами от бессонной ночи.

Мышка честно пытается выдержать взгляд, задирая подбородок и добавляя вызова в тёмные глаза. А у меня полный абзац, потому что реальность накладывается на недавнюю сцену в душе. Где Майя не просто не сопротивлялась, она сама тянулась навстречу.

И кровь резко отливает от мозга, чтобы наполнить активностью совсем другие места.

– Чай. – Дверь открывается, вообще не вовремя. Или, наоборот, в самый раз? – С печеньками, – весело подмигивает Крис мышке.

Мышке, которая за мгновение до этого опустила глаза краснея. Тоже вспомнила недавний совместный душ?

Откашлявшись, я меняю положение на более удобное.

Надо быстрее заканчивать с «Прометеем» и с Майей, и возвращаться к привычным и спокойным делам.

– Спасибо, – едва слышно откликается мышка, когда Крис отдаёт ей огромную кружку с фирменным логотипом и вазочку, полную сладостей.

– Ешь, тебе полезно, – с материнской заботой Крис присаживается на подлокотник рядом и едва не гладит Майю по голове.

В декрет, срочно.

А мне в отпуск.

Потому что Майя всего лишь хватается за кружку двумя руками, как будто мёрзнет, хотя здесь тепло. С улыбкой вдыхает цветочный аромат чая, поплывший по кабинету. Улыбается чему-то своему. Дует и делает первый осторожный глоток, жмурясь от удовольствия.

А я залипаю. Причём нездорово залипаю. И картинка в голове подменяется той, как мышка Майя смотрелась бы в пределах моей квартиры. Зимой. В свете развешанных гирлянд, с босыми ногами и укутанная в плед. Почему-то молочно-белый и пушистый, с вязаным узором косичками. Таким, каким мама украсила всё своё вязание для будущей дочери Ника.

И этот плед так ярко встаёт перед глазами, что я трясую головой, офигея от происходящего.

Натыкаюсь на ехидный и злорадный взгляд Крис, что всё это время, похоже, наблюдала за мной.

И рывкаю на открывающуюся дверь:

– Стучать не учили?

Сталкиваясь с непонимающими и обиженными глазами Ани. Ани, что вздрагивает от моего рыка, оглядывает кабинет в поисках кого-то настолько важного, но находит только Крис. И мышку.

– Я... не вовремя? – И единственный мой спасательный круг в странной битве с самим собой отступает, но в два удара сердца я оказываюсь рядом.

Заполотно, мать его, бьющегося сердца.

– Прости, – выдыхаю, беря её за руку с кольцом. Прижимаю дрожащие пальцы к губам. – Ночь без сна, вот и сорвался.

– А ты отсюда хоть уезжал? – Аня мгновенно переключается в беспокойство. Заглядывает в глаза, где адекватности – ноль. – Костя, так нельзя.

– Исправлюсь, честно, но попозже, – я с улыбкой приобнимаю Аню, утягиваю вглубь кабинета. – Разберусь с гадами, что... с текущими делами разберусь и больше никакой сверхурочки. Честно.

Отодвинув стул, усаживаю на него будущую жену. Сажусь рядом.

– Что-то случилось?

Аня бросает быстрый взгляд на Крис с мышкой. Но если первая ядовито поднимает бровь, то Майя, кажется, даже не дышит.

– Нет, просто вчера ты... всё в порядке, – тряхнув идеально уложенными волосами, тепло улыбается она. – Познакомишь нас? – и с намёком поворачивается к компании в кресле.

– Знакомьтесь, мыш... Майя. Солнцева, – хмыкая, вспоминая её поддельное имя. – Моя знакомая, я обещал устроить её на работу. Майя, а это Аня, – обернуться с улыбкой, взять её за руку, – моя невеста.

И понять, что реакция мышки мне гораздо интереснее ответного счастливого взгляда будущей жены.

Глава 10

Аня сидит с нами минут десять. После вежливо прощается с мышкой, договаривается попить кофе с Крис и уходит, ссылаясь на работу.

– А Ник сегодня...

И я смотрю на Крис и совсем не смотрю на мышку, что всё это время оправдывала прозвище. Даже обжигаяще горячий чай пила беззвучно.

– В манеже, – пожимает плечами та. – У него там то ли слёт, то ли флешмоб, то ли соревнования. Я, если честно, так и не поняла.

– То есть абонент не абонент, – вздохнув, я возвращаюсь за стол.

Читаю ответ от человека в «Прометее».

Супер, мышка устроена даже без фотки и паспорта. А я ещё на своих идиотов грешил. Вот где полный бардак, так это у Звягинцева, там не охрана, там парад...

– Эй, – слышу испуганное от Майи, но продолжаю печатать ответ. – Кот!

А вот это уже нонсенс, и я поднимаю взгляд на мышку. Которая смотрит на меня с широко открытым ртом и в полном офигевании. Хмурюсь, мозгом всё ещё в переписке.

– Кот, – слабое от Крис звучит так непривычно, что перевожу взгляд на неё. А потом и на лужу под ней. – Я, кажется, рожаю.

Кажется? Да у нас скоро этажом ниже протечки пойдут.

– Сделай же что-нибудь!

Мышка подрывается с кресла, роняет кружку на пол. Чай весёленьким фонтаном забрызгивает всё вокруг. Хотя какая к чертям разница, если без химчистки и так не обойтись.

Мышка же подхватывает под локоть Крис, которая начинает дышать ну очень странно.

– Кот!

– Чёрт! Говорил я тебе, увольняйся?

Футболист хренов, нашёл когда отключаться!

Кроме отборного мата и мыслей-то не остаётся. Хотя нет, одна есть, тоже матерная, но уже о том, что в больницу бы и желательно побыстрее.

В два шага пересекаю расстояние между нами, подхватываю Крис на руки.

– Говорил?

– Го-ворил, – с перерывом на выдох, отзывается она. Обхватывает меня за шею, стискивает зубы.

– Крис, блин, ты что, не знала, что рожает? Первый раз, что ли?!

С женой брата на руках проношусь до лифта, залетаю в только-только открывшиеся двери, распугав всех, кто его ждал. Ещё подождут, один фиг ни черта не делают.

– Это, знаешь ли, не предугадаешь. – Тяжело дышит она. – Пусти.

– Лежи спокойно. – Поворачиваюсь, чтобы как-то нажать на кнопку, но не успеваю. Тонкий пальчик уверенно жмёт на паркинг. Поднимаю взгляд, встречаюсь с мышкой.

– Я с вами.

– Куда, бл... – Торможу, осознавая себя в компании двух женщин. Причём у одной из них такой возмущённый взгляд, будто не она собралась рожать у меня в офисе. – Чёрт с вами, поезжай куда хочешь.

Нет чтоб сбежать, но куда там. У Майи вдруг включается опция героизма.

– Не ругайся при племяннице! – рявкает Крис и с силой вцепляется мне в шею.

И вроде ногти короткие, а боль поистине адская. Или меня так накрывает из-за идиотизма ситуации?

– Ты ещё роди мне в лифте, – рявкаю в ответ. Поворачиваюсь к мышке левым боком. – В кармане телефон, выйдем из лифта, набери «Подольский, роддом» и предупреди, что мы едем.

– Поняла, – как-то слишком спокойно реагирует Майя, а у меня закрадывается мысль, что после родов одной, придётся справляться с отходняком другой.

– Крис, чтоб тебя. – Двери лифта, наконец, разъезжаются, и мы выходим в паркинг. – Не могла подождать хотя бы до завтра? И какого, вообще, хрена! Ты же рожала, должна была почувствовать схватки.

– Сам бы попробовал, – огрызается Крис и кривится, когда я сажаю её на заднее сиденье. И добавляет так жалобно, что я вспоминаю, где у меня находится сердце: – Дозвонись до Ника. Пожалуйста, Кот!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.